

БЕЗЛИЧНОСТЬ



18+

Александр Николаевич Шмаков

Александр Шмаков

Безличность

<https://litres.ru/74372352>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остаётся от человека, если у него отнять имя, или тело, или чувства или даже право желать?

Крёз был богат, Арсений был несчастен, профессор Векшин был одержим идеей, а Славий искал покоя. Каждый из них заключил сделку с загадочной Маей Морок — той, кто покупает имена, забирает качества и предлагает взамен исполнение самых сокровенных желаний.

Но цена всегда выше, чем кажется.

Они получают всё, о чём мечтали. Богатство. Чужое тело. Гениальное решение. Абсолютное ничегонеделание. Но потеряют то, что делает их людьми: имя, способность чувствовать, любить, ненавидеть, выбирать. Оказавшись в другом, не своем, мире, каждый из них поймёт, что самое страшное не смерть, а превратиться в ничто при жизни.

Сможет ли Крёз вернуть себе имя? Найдёт ли Арсений путь обратно в собственное тело? Поймёт ли профессор Векшин, что подарил человечеству энергию ценой себя? И что скрывается за образом Маи Морок — бездушной торговли судьбами или той, кто сама заперта по ту сторону вечной разлуки?

Содержание

Безличность.	4
1. Кто стал никем.	4
Пустошь.	5
Безобщение.	9
Боль, которой некому принадлежать.	10
Отчаяние без отчаявшегося и страх, которому нечего терять.	11
Возвращение.	11
2. Чужое тело.	14
Точка невозврата.	14
Белый шум.	15
Ездок в тумане.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александр Шмаков

Безличность

Безличность.

1. Кто стал никем.

В городе, где дома растут выше облаков, а деньги текут быстрее рек, жил богач Крёз. Всё своё, что можно сосчитать, он сосчитал. Всё, что можно взвесить, взвесил, причем тоже в свою пользу. Но ему было мало.

Однажды поздним вечером, когда он любовался картиной из золота и драгоценных камней, висевшей на стене, кто-то, пройдя через его охрану, постучал в дверь. На пороге стояла очень красивая женщина в белом, с прекрасными светлыми волосами, с глазами, похожими на два пустых колодца.

— Меня зовут Мая Морок, — сказала она. — Я покупаю имена. Куплю твоё имя за столько, сколько ты попросишь. Продашь?

Крёз засмеялся:

— Разве имена покупают? Да их навалом, бери какое хочешь.

— Я покупаю. И заплачу столько, сколько ты попросишь,

— повторила Морок. — Если тебе не понравится, через месяц я приду и спрошу: "Подтверждаешь ли ты сделку?" Если скажешь "да", имя моё навсегда. Если скажешь "нет", верну имя, но ты отдашь мне всё своё богатство. Золото, дома, корабли, долги, которые должны тебе, и даже кольцо на мизинце. Всё.

А Крёз подумал: «Если через месяц я откажусь, что вряд ли, разве придется богатство отдать? Да за месяц я спрячу всё. А, захочу, имя другое заведу».

Он не знал, что Морок видит мысли насквозь.

— Согласен, — сказал Крёз.

Морок улыбнулась, подышала ему в лицо, и имя вылетело из груди Крёза, как птица из клетки.

— Теперь ты никто, — сказала Морок и исчезла, а Крёз полетел куда-то вниз.

Пустошь.

Свалилось в мир, где было серое марево, которое дышало, текло и никогда не застывало. Здесь не было холода и не было тепла. Было теплохладно: ни грело, ни студило, но кожу сводило. Не было света и не было тьмы. Были сумерки, такие, что глаз напрягался, но не видел ни чётких очертаний, ни глубины. Всё плавало в мутной, грязной дымке, сквозь которую нельзя было разглядеть ничего ясного. Цвета были, но не чистые. Не красный, не синий, не зелёный. Как будто

каждый цвет перемешали с глиной и слизью и забыли прополоскать. Свет рассеивался, и полутьма от этого становилась ещё мутнее. Еще и привкус на языке стоял такой, будто сладость скисла и превратилась в тухлятину. И каждый раз, когда сглатывалось, горло делало обратное движение, будто хотело вытолкнуть язык наружу, но не могло.

Твёрдое под ногами вело себя непотребно. Земля, на которую ступалось, то держала, то вдруг становилась полужидкой, но не стекала, а вязла вокруг ступней, как переваренная каша. Ступни утопали в чём-то. И это что-то шевелилось. Не черви, хуже. Просто шевелилось само по себе. А потом испарялась, и нога проваливалась в пустоту, но пустота вдруг снова становилась твёрдой и больно ударяла снизу. Всё кругом проваливалось то вверх, то вниз, а иногда одновременно в обе стороны, и тогда раздиралось пополам.

Не было ни дали, ни близи. Всё виделось посереёдке. Руку протянешь, кажется, вот оно, а не достать. Смотришь вдаль, а там недалё, а там та же посереёдка, что и перед глазами. Пространство сжималось и растягивалось, но никогда не становилось ни большим, ни маленьким. Оно было как больной сустав: ноет, но не согнёшь и не разогнёшь.

Воздух дышался плохо. Он то был лёгким, то вдруг густел, становился почти жидким, сквозь него тягостно идти, им трудно дышать. Он обволакивал лицо липкой пеленой, которая не была ни влажной, ни сухой. Входило в лёгкие что-то, но что именно, не понять. Не воздух, не вода, не пыль.

Из-за этого дышать хотелось, и не хотелось одновременно. Каждый вздох оставлял внутри осадок, как после глотка стоялой лужи, и он не выдыхался.

Запахи были такие, что и не описать. Пахло не гнилью и не свежестью. Пахло тем, что никогда не было живым, и тем, что умерло до того, как родилось. Иногда пахло так, будто кто-то дышал в лицо, и дыхание это было давно нечищенным ртом, но рта нигде не было. Иногда, ржавым железом. А иногда ничем, но это ничем пахло так, что тошнило. Запах не удалялся и не приближался. Он был везде посередке, как грязный налёт на языке.

Звуки были странные. Слышалось скрежещущее, чавкающее, лопающееся, свистяще-шипящее. А иногда, только влажное, медленное «цокание» языком о нёбо. Без рта. Без языка. Просто цокание само по себе. Где-то плакали, но плач был сухим, без слёз. Где-то смеялись, но смех был мокрым и чавкал. Звук не приближался и не удалялся. Он был той же посередкой, но для слуха. Слышалось всё сразу и ничего отдельно. Собственный крик возвращался обратно через секунду, но перевёрнутым. Что было криком, становилось стоном, что было стоном, сопением.

В этом мире не было имён и названий. Не существовало нигде и ни у кого имени — единой точки сборки. Поэтому качества и деяния собирались в каком-то теле лишь на короткое время и случайным образом, как обрывки, которые не к чему пришить, но ещё и путались, перемешивались. Да,

у каждого здешнего была форма, но она могла меняться каждую секунду. То длинная, то красивая. У каждого были качества, но они рождались и умирали в одном вздохе. Только что существо казалось ласковым, и вдруг впивалось зубами. Только что плакало, и вдруг хохотало, не помня слёз. Каждый находил и терял качества, которых у него и не было. И это здесь было обычным делом, потому что тут терять можно было даже то, чего не было. Деяния были, но они не складывались в поступки. Кого-то толкнули. Кого-то обняли. Кому-то дали по морде, а тот не взял, потому что брать было некому, а давать было некому тоже. Через миг никто не помнил ни удара, ни объятия.

Любое действие здесь висело в воздухе без хозяина. Пыталось собраться что-то вроде «мне». Не получалось. Оседало слизью. Они просто были по отдельности, как рассыпанные детали без целого.

Здесь было странное чувство радостной горести. Или горестной радости? Будто плачешь и радуешься одновременно, но ни то, ни другое не по-настоящему. И зато было такое, чего никогда не было, но, вот, опять случилось, события повторялись, хотя не происходили ни разу. Память о них приходила раньше, чем они сами. Да и памяти у большинства уже тоже не было.

Безобщение.

Из марева выплыли тела. Большинство они тут же разбежались как рыбки в аквариуме, когда стучишь пальцем по его стенке. Но некоторые остались и стояли, глядя в разные стороны и, казалось, разговаривали. Мелькнула надежда, что может быть, здесь всё же можно общаться?

Послышалось:

— С главным в соответствии законом: всё — противоположность своя. Дважды столько, два, сколько понравится равно. Первой не одинакова двойке вторая. Да и двойки это не. Можно умножать не их — умножать нечего. Ммм.

Все замолчали. Булькнуло:

— Мнофлорагустепекондровисклиперцинуа. Но своего сама попробует пусть. Морок та. Не плюй в колодец — вылетит не поймашь. Трансквентлиомбродуспиклокалифика-тортье.

Потом, вдруг, вздохнулось вот о чём:

— Мца-мца-ца-ца. Вкусы и цвета при сложении дают разложение, так как если смешать сладкое с зелёным, получится серая слизь в форме порошка, которую надо выдать замуж.

Точно. Здесь всё так и есть. Потому что сложение, смешение и разделение, построение отношений предполагает, что есть что складывать или смешивать. А здесь по смыслу ничего нет, хотя по форме и качествам есть всё. И столько, сколь-

ко захочешь. Мир рождался и умирал каждое мгновение.

Ударило. Не со зла, в мире без имён нет причин, только импульсы. Просто перемещение чего-то твёрдого в сторону чего-то мягкого. Без имени, без злости, без ударившего.

Но били больно. Потом перестали бить. И подняли, и погладили, обняли. Всё вперемешку. Гладили чем-то влажным. Липким. И от этого хотелось содрать кожу, но сдирать было некому. Ласка и боль шли рядом, потому что не было того, кто ласкает, и того, кто бьёт. Были только действия без деятелей.

Боль, которой некому принадлежать.

Болело всё. Но хуже боли было другое, то, что нельзя назвать. Было страдание, чистое, ничьё. Оно не принадлежало никому. Оно просто было. Как сопли, которые текут сами по себе. Бесконечно. Не вытереть.

Сначала ещё помнилось слово «боль». Потом помнилось только чувство без слова. Потом не помнилось даже чувства, оставалось только сжатие где-то внутри, которое уже нельзя было назвать ни болью, ни чем-либо ещё. Вдруг всплыло: был богатым. Был дом. Золото. Всё это существовало. Но исчез тот, у кого всё это было. Осталась только пустота в форме человека. Или кого-то? Но этой пустоте было очень больно. О-о-о! Хорошо бы избавиться от боли. Но избавиться некому. Металось, кричалось, плакалось. Вообще.

Отчаяние без отчаявшегося и страх, которому нечего терять.

Шли дни. Или секунды. Появилась тоска без того, по кому тосковать. Пересталось пытаться общаться. Всё меньше хотелось искать. Безразличие росло, тоскливое, беспокойное. Радостная горечь превращалась в него, а потом в ничто. В последний раз крикнулось, уже без надежды, что услышится:
— Выйти из этого нигде!

Снова никто не ответил. Понялось тогда самое страшное: не могло выбраться. Даже если дверь будет прямо здесь, не могло бы её открыть, потому что руки есть, но они ничьи. Не могло принять решение, потому что решение принимает кто-то. А этого кого-то и нет.

Замерло. Пересталось даже кричать. Просто сопелось без ожиданий и надежды. Ждать и надеяться могло лишь то, у чего есть имя. А имени не было. Значит и не ждалось и не надеялось. Лишь ощущалось как неживое, как камень, как вода, как ветер. Но камень не страдает. А почему-то страдалось, очень-очень страдалось. И это было хуже всего.

Возвращение.

Вдруг марево разорвалось. Чья-то рука схватила за плечо и выдернула наверх.

Увиделась Мая Морок. Красивая, но другая. Вся в чёрном, черноволосая, смуглая. Но это точно была она.

— Месяц прошёл. Подтверждается ли сделка? Скажешь "да", имя навсегда уйдёт. Скажешь "нет", имя вернётся, но всё богатство достанется мне.

Тот, кто лежал на полу, не имел имени. Но помнил. Хаос. Невозможность даже захотеть. Открылся рот. Хрип:

— Нет!

Морок подняла прекрасную, совершенной формы бровь:

— Хорошо. Всё богатство мне. Имя возвращается.

Она выдохнула, и имя влетело в грудь. Тёплое. Живое. Единственное.

И мир ударил в лицо цветным светом. Синим. Настоящим. Красным, живым, горячим. В ушах зазвенела тишина, чистая, без скрежета. Пахло хлебом. Просто хлебом. Крёз зарыдал от этого запаха.

У Крёза потекли слёзы. Он лизнул их, и засмеялся. Солёные.

— Забирай всё, — сказал он. — Золото, дома, корабли, кольцо. Всё. Спасибо тебе! Я понял. Имя — это дверь. А дверь открывается наружу, в мир, где даже боль своя. Мне нужно только это, быть.

Морок молчала. Потом сказала:

— Если хочешь, можешь вернуть и богатство. Найди человека, который продаст мне имя. Навсегда. Без месяца. Поможешь, получишь всё обратно.

— А совесть?

— Будет тебе мешать, куплю. Расплачусь славой твоего имени, какой захочешь. Через месяц вернусь.

Морок кивнула, бросила что-то блестящее, забрала всё и исчезла. Крёз остался один. Он обнял себя за плечи, свои, настоящие. И засмеялся вслух.

— Ты есть. Ты есть. Ты есть!

Где-то запела птица. Обычная. Живая. Крёз прикрыл глаза и слушал. Рядом с ним лежала брошенная золотая монета. Блестящая. Твёрдая. Круглая. И имя у неё было: «1 морок», а на обратной стороне изображение профиля очень красивой женщины. Он поднял монету. Тёплую. Сунул в карман. Улыбнулся небу. Но внутри что-то сжалось, тихо, как в Пу-стоши. Не боль. Так. Напоминание.

2. Чужое тело.

Точка невозврата.

Арсений Лютов ненавидел свою жизнь. Не так, как ненавидят плохую погоду или скучный фильм, а так, как ненавидят собственную кожу, которую невозможно снять. Каждое утро он просыпался с одной мыслью: «Зачем?»

Таня ушла к Вовке Королёву три недели назад. Арсений видел их в школьном коридоре: она смеялась, запрокинув голову, а Королёв накачанный, вечно улыбающийся отличник, положил руку ей на талию. Боль была такая, будто нож в сердце воткнули.

— Она просто дура, — сказал отец, когда Арсений попытался рассказать. Но сразу же добавил: — Хотя чему удивляться? Ты даже уроки нормально сделать не можешь. Тройка по физике. Тройка, Сеня! Кем ты вырастешь?

Отец был инженером. Для него оценки были святыми. Для Арсения — пыткой.

В тот вечер они снова орали друг на друга из-за учёбы. Мать плакала на кухне. Арсений захлопнул дверь комнаты, включил телефон и зашёл в анонимный чат.

«Все меня достали», — написал он.

«Знакомо», — ответил кто-то. Потом ещё один. Потом

ещё.

Час спустя кто-то сбросил ссылку: «Тихий дом». Арсений зашёл. Там не было шуток. Не было мемов. Там была боль, упакованная в слова. Люди писали о том, как им плохо. А потом кто-то — никто не знал кто — начал выкладывать «методы». Сухо, технологично, как инструкцию к стиральной машине. Высота. Узел. Время.

«Если решился, не думай. Просто сделай. Боль пройдёт быстрее, чем ты думаешь. А потом ничего. И это лучшее, что может быть».

Арсений читал и чувствовал странное облегчение. Как будто ему разрешили. Как будто это был единственный правильный выход.

Белый шум.

На следующее утро отец зашёл без стука.

— Ты где вчера был в десять вечера? Я звонил, ты не отвечал.

— В чате сидел.

— Опять игры эти? — отец скривился. — Сеня, ты в зеркало на себя смотрел? Мешки под глазами, худая рожа, сутулишься. Посмотри на Королёва. Человек занимается, учится, у него будущее есть. А ты?

— А ты на себя посмотри! — заорал Арсений, сам не ожидая. — Ты кем стал? Инженером в конторе, где тебя за че-

ловека не считают! И мать такая же! А меня не надо учить жить, понял?!

Отец побелел. Молча развернулся и вышел.

В школе Таня прошла мимо, даже не взглянув. Королёв что-то сказал ей на ухо, она засмеялась. Арсений сжал кулаки до хруста. «Ничтожество. Ты ничтожество», — пульсировало в висках.

После школы он зашёл в «Тихий дом». Написал: «Сегодня». Ему ответили трое смайликов и инструкция: «Девятиэтажка за торговым центром. Крыша открыта. Ты не один. Мы с тобой».

Он шёл туда и чувствовал странное спокойствие. Никакой дрожи. Никакого страха. В голове была только одна мысль: «Уроды, вы ещё пожалеете».

На крыше было ветрено. Край парапета казался приглашающим. Арсений посмотрел вниз. Машины как спичечные коробки. Сделал шаг. И второй. Сердце вдруг ухнуло, в последнюю секунду тело замерло. Но кто-то невидимый, тот самый «голос из чата», шепнул: «Давай». И он шагнул в пустоту.

Падения не было. Вместо асфальта мягкое, огромное кресло, утопающее в белой обивке. Арсений открыл глаза. Комната. Ни стен, ни окон. Только белый свет, льющийся из ниоткуда. И напротив — женщина.

Она была прекрасной так, как прекрасна боль: белые волосы, белая кожа, белое платье. И глаза светло-серые, почти

прозрачные, как лёд на зимнем озере. Губы тронула лёгкая улыбка.

— Меня зовут Мая Морок, — сказала она. Голос был как шёлк, обёрнутый вокруг лезвия. — Ты хотел закончить свою несчастную жизнь, Арсений. Я предлагаю иное.

Он хотел спросить «как ты меня назвала?», но мозги превратились в кисель. В её присутствии исчезли и злость, и страх, и отчаяние. Осталась только ватная пустота.

— Ты добровольно отдаёшь мне своё тело и свою жизнь, — продолжала она. — А я даю тебе любую другую жизнь. В любом теле, какое выберешь. Хочешь быть красавчиком? Пожалуйста. Хочешь быть богатым? Легко. Хочешь быть хоть самой Таней? Я не спрашиваю, как ты распорядишься.

Арсений открыл рот. Слова не шли.

— Подумать надо, — выдавил он наконец.

— У тебя сутки, — кивнула Мая. — Завтра за тобой придут.

Щелчок, и он сидит на кухне. Отец орёт. Мать плачет. Арсений смотрит на их лица и не чувствует ничего. «А пусть помучаются, пусть им хуже без меня будет», — думает он. «Я буду счастлив в другом теле. Например, в теле Вовки Королёва. Или даже Танином. Отомщу всем».

Всю ночь он не спал. Перебирал варианты. Ворочался. К утру выбрал двоих: Вовка Королёв и отец. Зачем отец? «Хочу изнутри понять, что у него в башке», — усмехнулся про себя Арсений.

Ездок в тумане.

Утром зазвонил телефон. Номер — одни нули. Старческий, но бодрый голос:

— Я от Маи. Жду внизу.

Арсений выбежал, даже не закрыв дверь. У подъезда стояла красная «Феррари» с откинутым верхом. За рулём дед лет семидесяти, даже больше. Но одет как подросток: рубашка узлом на животе, майка-алкоголичка, джинсы с дырками. И пахнет от него так, что голова кружится. Дорогуший парфюм, смешанный с запахом старого тела.

— Садись, малой.

Арсений сел. Дед вдавил педаль в пол. Машина рванула так, что затошнило. Они летели по городу, вписываясь в повороты на грани возможного. И самое странное гаишники на постах вытягивались во фрунт и отдавали честь. Деда, похоже, знали все.

— Кто вы? — крикнул Арсений сквозь ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.